

Лев  
Давидович  
Троцкий

# ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ III

УДК 82-94  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Т76

**Троцкий, Л. Д.**

Т76 История русской революции. Том III / Л. Д. Троцкий. — М. : Т8RUGRAM, 2018. — 398 с.

ISBN 978-5-521-76584-3

ISBN 978-5-521-08018-2

ISBN 978-5-521-08021-2

Лев Давидович Троцкий (1879 — 1940) - прогрессивный революционный деятель, одна из самых ярких политических фигур XX века. Автор теории перманентной революции, практик и теоретик марксизма — Л.Д. Троцкий — стал создателем капитальных исторических трудов по революции 1917 года, множества критических статей и автобиографий.

«История русской революции» — фундаментальное двухтомное произведение Льва Троцкого, в котором доказывается непосредственная связь между Февральской и Октябрьской революциями.

Благодаря документальной точности Л.Д. Троцкого, у читателя XXI века есть уникальная возможность прикоснуться к истории и понять природу событий, навсегда изменивших судьбу России.

УДК 82-94  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FC  
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-76584-3

ISBN 978-5-521-08018-2

ISBN 978-5-521-08021-2

© Т8RUGRAM, 2018

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                           |     |
|-----------------------------------------------------------|-----|
| КРЕСТЬЯНСТВО ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ.....                          | 5   |
| НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.....                                  | 43  |
| ВЫХОД ИЗ ПРЕДПАРЛАМЕНТА И БОРЬБА<br>ЗА СЪЕЗД СОВЕТОВ..... | 77  |
| ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ.....                         | 107 |
| ЛЕНИН ЗОВЕТ К ВОССТАНИЮ.....                              | 147 |
| ИСКУССТВО ВОССТАНИЯ.....                                  | 195 |
| ЗАВЛАДЕНИЕ СТОЛИЦЕЙ.....                                  | 231 |
| ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.....                                | 275 |
| ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.....                                | 315 |
| СЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДИКТАТУРЫ.....                            | 345 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....                                           | 391 |



## КРЕСТЬЯНСТВО ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Цивилизация сделала крестьянина своим вьючным ослом. Буржуазия в конце концов изменила лишь форму вьюка. Едва терпимое у порога национальной жизни, крестьянство остается, по существу, и за порогом науки. Историк интересуется им обычно так же мало, как театральный критик – теми серыми фигурами, которые подмечают подмости, носят на спине небо и землю и моют уборную артистов. Участие крестьянства в революции прошлого до сих пор остается едва освещенным.

«Французская буржуазия начала с освобождения крестьян, – писал Маркс в 1848 году. – При помощи крестьян завоевала она Европу. Прусская буржуазия была так ограничена своими узкими, ближайшими интересами, что потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контрреволюции». В этом противопоставлении верно то, что относится к немецкой буржуазии; но утверждение, будто «французская буржуазия начала с освобождения крестьян», представляет собою отголосок официальной французской легенды, оказавшей в свое время влияние даже на Маркса. На самом деле буржуазия, в собственном смысле слова, противодействовала крестьянской революции, насколько хватало сил. Уже из деревенских наказов 1789 года местные вожди третьего сословия выбрасывали, под видом редактирования, наиболее резкие и смелые требования. Пресловутые решения 4 августа, принятые Национальным собранием при зареве сельских пожаров, долго оставались патетической

формулой без содержания. Крестьян, которые не хотели мириться с обманом, Учредительное собрание заклиняло «вернуться к выполнению своих обязанностей и относиться к собственности (феодальной!) с надлежащим уважением». Гражданская гвардия не раз устремлялась в деревни на подавление крестьян. Городские рабочие, становясь на сторону восставших, встречали буржуазных усмирителей камнями и осколками черепицы.

В течение пяти лет французские крестьяне поднимались во все критические моменты революции, препятствуя сделке между феодальными и буржуазными собственниками. Парижские санкюлоты, проливая свою кровь за республику, освободили крестьян от феодальных пут. Французская республика 1792 года означала новый социальный режим, в отличие от немецкой республики 1918 года или испанской республики 1931 года, которые означают старый режим минус династии. В основе этого различия нетрудно найти аграрный вопрос.

Французский крестьянин непосредственно не думал о республике: он хотел сбросить помещика. Парижские республиканцы обычно забывали о деревне. Но только крестьянский натиск на помещиков обеспечивал создание республики, очищая для нее почву от феодального хлама. Республика с дворянством не есть республика. Это отлично понимал старик Макиавелли, который за четыреста лет до президентства Эберта в своей флорентийской ссылке, между охотой на дроздов и игрой в *trie trac* с мясником, обобщал опыт демократических переворотов: «кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех». Русские мужики были, в сущности, того же мнения, и они это обнаружили открыто, без всякого «макиавеллизма».

Если Петроград и Москва играли руководящую роль в движении рабочих и солдат, то первое место в крестьянском движении надо отвести отсталому великорусскому земледельческому центру и среднему Поволжью. Здесь пережитки крепостничества сохранили особенно глубокие корни, дворянская собственность на землю носила наиболее паразитический характер, дифференциация крестьянства отставала, тем более обнажая нищету деревни. Вспыхнув в этой полосе уже в марте, движение сразу окрашивается террором. Усилиями правящих партий оно вводится вскоре в русло соглашательской политики.

На промышленно отсталой Украине сельское хозяйство, работавшее на экспорт, приобрело гораздо более прогрессивный, следовательно, более капиталистический характер. Расслоение крестьянства здесь зашло значительно дальше, чем в Великороссии. Борьба за национальное освобождение неизбежно тормозила, по крайней мере до поры до времени, другие виды социальной борьбы. Но различия областных и даже национальных условий выразились в конце концов лишь в различии сроков. К осени территорией крестьянского восстания становится почти вся страна. Из 624 уездов, составлявших старую Россию, движением захвачено 482 уезда, или 77%; а без окраин, отличающихся особыми аграрными условиями, – Северного района, Закавказья, Степного края и Сибири – из 481 уезда в крестьянское восстание вовлечено 439 уездов, или 91 %.

Способы борьбы различаются, смотря по тому, идет ли дело о пашне, лесе, пастбищах, об аренде или наемном труде. Борьба меняет формы и методы на разных этапах революции. Но в общем движение деревни прошло, с неизбежным отставанием, через те же две большие стадии, что и движение городов. На первом этапе крестьянство приспособляется еще к новому режиму и пытается разрешить свои задачи через посредство новых учреждений. Однако и здесь дело идет больше о форме,

чем о существе. Московская либеральная газета, окрашенная до революции в народнические цвета, с похвальной непосредственностью выражала самочувствие помещичьих кругов летом 1917 года. «Мужик смотрит вокруг, он пока ничего не делает, но взгляните в его глаза, и глаза говорят, что вся земля, которая лежит вокруг него, – его земля». Незаменимым ключом к «мирной» политике крестьянства является апрельская телеграмма одного из тамбовских сел Временному правительству: «Желаем сохранить спокойствие в интересах добытых свобод, а потому запретите сдавать земли помещиков до Учредительного собрания, иначе мы прольем кровь, а пахать ее другим не дадим».

Мужику тем удобнее было выдерживать тон почтительной угрозы, что в нажиме на исторические права ему почти не приходилось непосредственно наталкиваться на государство. На местах отсутствовали органы правительственной власти. Милицией распоряжались волостные комитеты. Суды находились в расстройстве. Местные комиссары были бессильны. «Мы тебя брали, – кричали им крестьяне, – мы тебя и выгоним».

Развивая борьбу предшествующих месяцев, крестьянство в течение лета все ближе подходит к гражданской войне и левым своим крылом переступает через ее порог. По сообщению земельных собственников Таганрогского округа, крестьяне самовольно захватывают сенокос, отбирают землю, препятствуют запашкам, назначают произвольные арендные цены, устраняют хозяев и управляющих. По донесению нижегородского комиссара, насильственные действия и захваты земель и лесов в губернии участились. Уездные комиссары боятся оказаться в глазах крестьян защитниками крупных землевладельцев. Сельская милиция малонадежна: «бывали случаи, когда чины милиции участвовали вместе с толпой в насилиях». В Шлиссельбургском уезде волостной комитет запрещает землевладельцам рубить

собственный лес. Мысль крестьян проста: никакое Учредительное собрание не сможет возродить из пней срубленные деревья. Комиссар министерства двора жалуется на захват покосов: сено для дворцовых лошадей приходится покупать! В Курской губернии крестьяне поделили между собою удобренные паровые поля Терещенко – владелец состоит министром иностранных дел. Коннозаводчику Орловской губернии Шнейдеру крестьяне заявили, что не только выкосят в его имении клевер, но и самого его будто бы «сдадут в солдаты». Управляющему имения Родзянко волостной комитет приказывал уступить крестьянам покос: «Если вы не будете слушать земельного комитету, будет с вами поступлено иначе, будете вы арестованы». Подпись и печать.

Из всех углов текут жалобы и вопли: от потерпевших, от местных властей, от благородных свидетелей. Телеграммы землевладельцев представляют собою самое блистательное опровержение грубых теорий классовой борьбы. Титулованные помещики, владельцы латифундий, духовные и светские крепостники заботятся исключительно об общем благе. Враг – не крестьянин, а большевики, иногда анархисты. Собственные имения интересуют лендлордов единственно лишь с точки зрения преуспевания отечества.

Триста членов кадетской партии из Черниговской губернии заявляют, что крестьяне, побуждаемые большевиками, снимают с работ военнопленных и производят самовольную уборку урожая; в результате угрожает «невозможность платить налоги». Смысл существования либеральные помещики видели в поддержании казначейства! Подольское отделение Государственного банка жалуется на самоуправство волостных комитетов, «председателями коих часто являются пленные австрийцы». Здесь говорит оскорбленный патриотизм. Во Владимирской губернии, в усадьбе нотариуса Одинцова, отбирается строительный ма-

териал, «заготовленный для благотворительных учреждений». Нотариусы живут только для дел человеколюбия! Епископ подольский доносит на самоуправный захват леса, принадлежащего архиерейскому дому. Обер-прокурор жалуется на отобрание у Александро-Невской лавры луговых земель. Игуменья Кизлярского монастыря призывает громы на членов местного Совета: вмешиваются в дела монастыря, конфискуют в свою пользу арендную плату, «возбуждают монахинь против начальства». Во всех этих случаях затронуты непосредственно интересы церкви. Граф Толстой, один из сыновей Льва Толстого, сообщает от имени Союза сельских хозяев Уфимской губернии, что передача земли местным комитетам, «не ожидая решения Учредительного собрания... вызовет взрыв недовольствия... среди крестьян-собственников, которых в губернии более двухсот тысяч». Родовитый помещик печется исключительно о меньшем брате. Сенатор Бельгардт, собственник Тверской губернии, готов примириться с лесными порубками, но скорбит по поводу того, что крестьяне, «не желают подчиняться буржуазному правительству». Тамбовский помещик Вельяминов требует спасти два имения, которые «служат нуждам армии». Случайно эти имения оказываются его собственными. Для философов идеализма помещичьи телеграммы 1917 года представляют сущий клад. Материалист увидит в них скорее выставку образцов цинизма. Он прибавит, пожалуй, что великие революции отнимают у имущих даже возможность пристойного лицемерия.

Обращения потерпевших к уездным и губернским властям, к министру внутренних дел, к председателю совета министров по общему правилу безрезультатны. У кого же просить помощи? У Родзянко, председателя Государственной думы. Между июльскими днями и корниловским восстанием камергер вновь чувствует себя влиятельной фигурой: многое делается по его телефонному звонку.